

Лобанова Алевтина Степановна
доцент кафедры методики преподавания
русского языка и литературы
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
lobanova@pspu.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ИЗУЧЕНИИ МЕТАФОРИЗАЦИИ КОМИ-ПЕРМЯЦКИХ НАИМЕНОВАНИЙ НАСЕКОМЫХ

*Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ 17-14-59001 «а(р)»
«Фразеология коми-пермяцкого языка в контексте традиционной коми-пермяцкой
культуры»*

Статья выполнена на материале коми-пермяцкого языка и посвящена выявлению мотивационных признаков, реализующих народные представления, связанные с микромиром насекомых. Предпринята попытка обоснования символически нагруженных наименований представителей названного класса (*черань* 'паук', *той* 'вошь', *серöv* 'гнида' и др.). Ономаσιологический анализ энтомологической лексики показывает, что в основе вторичной номинации чаще всего оказываются внешние особенности и физиологические характеристики насекомого.

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык, наименования насекомых, этнолингвистика, мотивационный признак.

В настоящей статье попытаемся подвергнуть лингвистической реконструкции коми-пермяцкие народные представления, связанные с микромиром насекомых.

Предметом анализа послужили наименования насекомых, функционирующие в современном коми-пермяцком языке, а также семантические дериваты, образованные на базе энтомологической лексики, устойчивые выражения (сравнения), компонентами которых являются названные обозначения.

Выбор объекта исследования продиктован, в первую очередь, недостаточной изученностью данной лексико-тематической группы; до настоящего времени она редко становилась объектом исследования [Меркушева 2003; Лобанова 2013]. Кроме того, хотелось выяснить, почему в коми-пермяцком языке это одна из самых «не наполненных» групп лексики (по сравнению с подобной группой русского языка, в котором мотивационные модели, связанные с насекомыми, представляют собой большое разнообразие). Следует помнить, что избранная для анализа группа слов пред-

ставляет большой интерес с точки зрения антропологической парадигмы исследования языка, прежде всего, в силу специфического отношения человека к миру насекомых. Насекомые представляют собой особую «касту» среди представителей животного мира, благодаря своей мизерности и осязаемой вовлеченности в мир человека.

Это, казалось бы, должно создавать яркую палитру их наименований в языке и символическую разработанность в народной культуре. Однако лексических единиц, реализующих семантику 'насекомое', в языке коми-пермяков немного, мы насчитали около сорока наименований. Судя по всему, данная группа не отличалась большим разнообразием и в прошлые времена. Так в наиболее полном пермяцко-русском и русско-пермяцком словаре XIX века Н. Рогова (1869) их зафиксировано 29. В словаре Ф. А. Волегова (1833) содержится 13 словарных единиц, касающихся наименований насекомых [Лобанова 2013: 49].

Еще в меньшей степени представлены диалектные лексемы данной группы. Выделяется лишь *божья коровка*, которую в разных ареалах распространения языка называют то *боба* (лит.), то *енбобо* досл. 'божье бобо', то *енкутю* досл. 'божья курочка', то *енгаг* досл. 'божий червь', то *енюшка* досл. 'божий бык'. Незначительное количество наименований насекомых, отсутствие большой лексической вариативности, видимо, связано с тенденцией неразличения отдельных видов насекомых внутри своего класса и с малой значимостью самой реалии.

Лингвисты, занимаясь подобными исследованиями, насекомых внутри класса подразделяют на две группы: «нечистые» и «чистые». К первой группе относят вредных насекомых, тесно смыкающихся с гадами, о чем свидетельствуют их экспрессивно-негативные обозначения, типа *гадина*, *гнусье*, *поганая муха* и др. Вторую группу составляют так называемые «чистые», «богоугодные» насекомые (пчела, *божья коровка*, муравей, светлячок), характеризующиеся положительной оценкой номинатора, что проявляется в наименованиях типа *божий огонек*, *божья угодница*, *божья мушка*, *душа* [Кривошапова: эл. ресурс].

Коми-пермяцкие наименования также можно рассмотреть в этой классификации: *той* 'вошь', *серöv* 'гнида', *зи* 'оса', *ситöсь гут* 'поганая муха' – составляют первую группу; *бабыв* 'бабочка', *енкутю* 'божья коровка', *кöдзыв* 'муравей' – вторую.

Ономасиологический анализ коми-пермяцких энтомосемизмов, который был нами предпринят в статье «Основные способы номинаций насекомых в коми-пермяцком языке» [Лобанова 2013: 48-52], говорит о том, что они в большинстве своем сохранили прозрачную внутреннюю форму или же она (форма слова) подвергается ожидаемой этимологическо-словообразовательной интерпретации в рамках исследуемого языка.

Представляя классификацию мотивационных признаков, участвующих в образовании этой группы, мы выделяли следующие номинации:

1) цвет, превалирующий во внешнем облике насекомого: *сьод черань* (досл. ‘черный паук’) ‘крестовик’;

2) место обитания; в данной группе выделяли подгруппы: а) вода, где обитают и (или) размножаются насекомые: *ватаракан* (досл. ‘водный таракан’) ‘водомерка’; б) лес, где обитают и (или) размножаются насекомые: *вөрлудык* ‘лесной клоп’; в) растения, на которых обитают и (или) размножаются насекомые: *турунсердв* (досл. ‘травяная (сенная) гнида’) ‘тля’;

3) свойства и качества, которыми наделены насекомые: *льомтой* (досл. ‘липучая (прилипающая вошь’) ‘клещ’;

4) внешние признаки насекомого: *борда кӧдзыв* (досл. ‘крылатый муравей’) ‘крылатый муравей’;

5) способы, особенности издаваемых ими звуков *чирскан* (от изобр. *чирс-чирс*) ‘кузнечик’ [Лобанова 2013: 49-52]. По сравнению с подобными классификациями наименований насекомых других языков – это очень бедная классификация.

Относительно культурно-мировоззренческой составляющей, связанной с насекомыми, следует сказать, что она присутствует в некоторых обрядах (обряд, направленный на избавление от икоты – где икоту представляют в виде мухи или белой бабочки). С ними связаны некоторые приметы и предостережения: увидишь паука, сползающего по паутине вниз, – к неприятностям, вверх – к добру, успеху; черного паука можно убивать, а коричневого – нет; нельзя убивать муху во время поминок – душа прилетела в этом образе. Пауки и их паутина, мухи также являются своеобразными атрибутами колдунов (с их помощью «напускают» икоту). Относительно последнего момента интересно сказал В. Климов. *Ӧння коми-пермяцкӧй тӧдӧсь абу ыджыт вына да авторитета и частожык тӧдӧ роч кӧрткыв, но «отсалӧны» сылӧ только комилӧ тӧдса черӧшлан, кульчунь, сьӧдгыж (частожык — ош гыж), «вына туруннэз» и нельки шойчунь. Вескӧтчикӧ нӧя «уджалӧны» ен нимӧн, тшыкӧтчикӧ — куль нимӧн (коми язычниклӧн кульыс вӧвлӧ тожӧ ен). Лекарствоӧн лӧӧны: нянь, сов, ва, лы, чераньвез, кум годӧн косьмӧм кольть, гаг ви, дзӧдзыв тизь да берсяторыс. Эмӧсь заговорӧннӧй йиэз, кушаккез, чышкӧттэз, йӧрнӧс-вешьян, кӧднӧ «суд оз босът» (Современный коми-пермяцкий колдун не очень силен и авторитетен. Чаще всего он знает русский заговор, но «помогают» ему только коми человеку известные черӧшлан (обряд подвешивания топора), камыш, черный коготь (чаще – медвежий), «сильные травы» и даже палец покойника. Их лекарствами являются: хлеб, соль, вода, кость, пау-*

тина, трехгодичной давности высушенное яйцо, масло червей, мука ящериц и всякая всячина) [Климов 1991: 9].

Так же как у всех славян, у коми-пермяков распространены представления о насекомых как образе души: душа покидает тело человека в виде мухи, бабочки. В виде мухи или бабочки посещает родной дом после смерти в дни поминок, с душами живых членов семьи отождествляют зимующих в доме мух.

Известны ритуально-магические способы выведения насекомых. Например, с помощью заговоров пытаются вывести клопов, тараканов. В качестве примера приведем один вариант заговора: *Бытшйоммез мяян, басоккез мяян! Эта мында олим отлаын, эта бурна радейтим отамоднымос, да колө янсотчыны: лоис мяянын кодзыт, лоис дзескыт. Пуксьотимө тиянөс виль каретаө да нуотамө виль патераө. А тийө нуотө сьораныт деднытө-бабнытө, айнытө-мамнытө – быдөс увтырнытө* (Хорошие наши, красивые наши! Так долго жили вместе, так любили друг друга, но надо расставаться: стало у нас холодно, стало тесно. Посадили мы вас в новую карету да увезем в новую квартиру. А вы возьмите с собой своих деда-бабку, отца с матерью – весь свой род) [Климов 1991: 85].

Даже народная загадка может быть посвящена известному насекомому: *Шогмөм и отпыр еныслө абу юрбитөм, кулөм и отпыр еныслө абу каитчөм* (досл. ‘Родился и ни разу богу не помолился, умер и ни разу перед богом не покаялся’) [Красный круг по небу катается 2010: 67]. В ней речь идет о вши. Следует отметить, что насекомые в этом фольклорном жанре довольно часто становятся объектом загадывания.

Нельзя сказать, что анализируемые наименования часто встречаются в составе фразеологизмов, тем не менее такие имеются. Так, человека маленького роста могут назвать *ном котомка* (досл. ‘котомка комара’), причем это название может быть адресовано как ребенку, которому еще предстоит вырасти, так и взрослому, который в силу своих физиологических особенностей остался маленького роста. Выражение *номмез вердны* (досл. ‘комаров кормить’) имеет семантику ‘бесполезно, зря проводить время’. *Номмесө вердөв-керим, а делоным нем эз пет* досл. ‘Комаров очень долго кормили, а дело наше так и не наладилось’. Чаще всего интересующие лексемы подвергаются метафоризации в составе устойчивых сравнений. Именно на них строится данная статья. Здесь лишь отметим, что вне контекста коннотации подвергается энтомоним *зи* ‘оса’. Он характеризует злого, неуживчивого человека. *Но тэ и зи* досл. ‘Ну ты и оса (в зн. ‘злой’)’. Остальные наименования при переосмыслении нуждаются в контексте, хотя бы в минимальном лексико-грамматическом сопровождении.

Некоторые насекомые, например, моль (*скөр*), шмель (*балямош*), стрекоза (*юрсигусь*) представлены в языке (а значит, и в народной культу-

ре) очень скупо. У них либо вообще отсутствуют семантические дериваты, либо минимум фразеологических образований и слабая репрезентативность в фольклорной и обрядовой традиции. Но образы отдельных насекомых, напротив, характеризуются ощутимой лингвокультурной маркированностью и этнолингвистической информативностью. К числу последних можно отнести, например, паука (*черань*), вошь (*той*), муху (*гут*), гниду (*серөв*).

Как отмечает Е. Л. Березович, с точки зрения когнитивного генезиса подобная символическая избирательность этнокультурной информации «связана скорее с работой чувственно-эмпирического мышления, нежели рационально-логического» [Березович 2007: 9].

Отличительной чертой коми-пермяцких наименований насекомых при возникновении ассоциативных образов является практически отсутствующая гендерная привязка, что исключено при подобной ситуации в русском языке.

Одним из самых коннотированно нагруженных наименований является *черань* ‘паук’. Довольно отчетливо вырисовываются (иногда противоположные) мотив богатства, мотив обмана (способность плести интриги), состояние беременности, способность легко перемещаться с места на место. Отобранные лексические материалы демонстрируют следующее: словом *черань* ‘паук’ чаще обозначают беременную женщину, номинация имеет отрицательную коннотацию. Приведем контекст, который очень удачно реализует эту мотивационную нагрузку. *Василисаыс тыра. Кынөмыс ыджыт – нырыс вылө кайис ни, сійө и видзөт, кызд керрес тичкыртасө-нилясө. Жаль инькаыс. Йөзлө жаль, а Митрейыс кутчисис посөдзыс вевдөрө лэбтыны тёс, ыксö: «Черань! Кут тёссö да вөрөтчы! Чөскыта бы сёян, шоныта узьлан, а дышыт петö уджавнытö. Тэрмась!»* (досл. ‘Василиса наполненная (в зн. ‘беременная’). Живот большой – на нос уже полез, того и смотри, бревна ее раздавят. Жалко женщину. Людям жалко, а Митрей затеял поднимать на крыльцо тёс (плахи), кричит: «Паук! Держи плаху да пошевеливайся! Есть хочешь вкусно, спать – тепло, а работать ленишься. Пошевеливайся!») [Федосеев 1991: 52].

Большой живот может явиться причиной применения данного слова и для мужчины. *Ашынас жö пырис Лёминаись вижлок öма, черань кынөма Пороз Миков, вожмөвтис порогсö, кыз кынөмсö дундөтис и горөтчис...* ‘На следующий же день в дом вошел из Лёмина (название деревни – А.Л.) большеротый, с животом паука Пороз Миков, перешагнул порог, выпятил толстый живот и сказал ...’ [Там же: 113].

Если выражение *черань кынөм* досл. ‘паучий живот’ – ожидаемое сравнение, то сравнение *черань кок* досл. ‘паучья нога’ не имеет такой прозрачной мотивации. *Оз кывзисьö черань коккезö, коскö висьö, пельпон-*

нэз дзуртёны, кынём сималё, горш косьмё, съёлём гудрасьё «Не слушаются меня паучьи ноги, поясница болит, плечи скрипят, есть хочется, пить хочется, тошнит» [Там же: 135]. Скорей всего, в данном случае слегка переваливающийся во время движения паук дал повод перенести этот образ на больные ноги.

В устойчивых сравнениях с данным компонентом может реализоваться и способность паука легко перемещаться по своей паутине. *Зонкаыс вичку крышаыс вывсянь черань моз кыссис ни меддэжуджыт вичку юрыс вылё, медодз чыліс золотой рёма шарыс дынёдз, сэтён шоччисис и одзлань пондїс веклясьны* «Молодой человек словно паук полз с крыши церкви на самую высокую колокольню. В первую очередь дополз до золотого шара, здесь отдохнул и дальше стал вилять-ползти» [Там же: 57]. Внешние признаки насекомого и его физиологические способности позволили возникнуть обозначенным выше коннотациям.

С этим насекомым ожидаемо выстраивается и мотив обмана, коварства (обвивать, окутывать паутиной). *Морт ме любопытственной... Мыся, поди, эта чераньыс кутас тэнё аслас везё* «Человек я любопытный ... Вот думаю, может этот паук сумеет поймать тебя в свою паутину» [Минин 2015: 99].

Как паук вьет паутину, так и человек собирает в свою копилку разные материальные ценности, то есть мотив обогащения также реализуется с помощью этого образа. *Годїсь годё богатсяліс, кыдз черань, крепитїс монастырсё: дона ликкез өктїс, каменной вичку строитїс, виль музэ весотїс, уна вөввез да мөссэз видзис* «Из года в год богател; словно паук, укреплял монастырь: дорогие лики собрал, каменную церковь построил, новые земли расчистил, много лошадей и коров держал» [Там же: 165].

Приведенные выше материалы говорят о том, что образ паука (*черань*) в коми-пермяцкой лингвокультурологии выстраивается в двух плоскостях. С одной стороны, внешние признаки насекомого, с другой стороны, его способности послужили названных мотивов.

Интересные ассоциации возникают с наименованием *той* «вошь». В коми-пермяцкой лингвокультурологии с ним связан, в первую очередь, мотив богатства. Каждый раз, намереваясь приобрести дорогую вещь, можно услышать выражение типа *А тойетё өктін ни?* «А вши свои уже собрал»? Эту особенность отмечал и В. М. Янович в этнографическом очерке «Пермяки»: «Не иметь вшей – не к добру» [Янович 1903: 11]. Данная мотивационная нагрузка встречается и в художественных текстах. *«Но тэ и богатой лоёмыт, – мужикыслё горётчис инька.– Тойетё сымда вайёмыт, что паськөмтё полі миськавны. Лонті банясё да горас вешьянтё соті»*. («Ну ты и богатым стал, – ответила мужчине женщина. – Вшей столько принес с собой, что одежду побоялась стирать. Истопила

баню и в печи штаны сожгла' [Федосеев 1991: 178]. Подобные параллели можно обнаружить и в других традиционных культурах. «Мотив богатства в связи со вшами представлен в различных приметах, поверьях и фольклорных текстах. Согласно русским, белорусским, польским и болгарским приметам, на кого нападают вошь или у кого их много, тот будет богатым, получит деньги. У всех славян распространено толкование сна: вши снятся к деньгам, к богатству.

Устойчивые выражения с этим компонентом реализуют еще такие особенности насекомого, как назойливость, медлительность, неповоротливость. Остановимся на некоторых примерах. *Айсö кыдз пондисö сёйны тойез, пондис жöдзны керкуас, сийö и керис видзöтлис öшыно́т öтöрö* 'Отца словно стали вши кусать (досл. 'пожирать, есть'), стал метаться по дому, то и делал, что выглядывал через окно на улицу' [Там же: 49]. *Той моз вöрöтчö хозяйкаыс – кыскö кадсö, босьтö пань да бекöр, петö керкуас и посöдзын пондö керавны кын капуста* 'Словно вошь шевелится хозяйка (в зн. 'медлит') – время тянет, берет ложку и чашку, выходит из дома и в сенях начинает рубить мерзлую капусту' [Там же: 85].

Семантически близки к последним приведенным примерам устойчивые сравнения с компонентом *таракан*. *Коккес нильдöны нитшыс вылын, и сия таракан моз педзö öтик местаын* 'Ноги скользят по мху, и он словно таракан топчется на одном месте' [Там же: 156]. Если попытаться продолжить составлять семасиологический «портрет» таракана, то надо отметить, что коми-пермяки обращают внимание на его тонкие ноги, на его паразитизм и довольно низкую живучесть. Например: *Йöрнöссö пыж кынöмат кышав, вешьянсö таракан коккезат көмав, шапкасö бöб юрыт вылö пукты* досл. 'Рубаху на свой живот-лодку надевай, штаны на свои тараканьи ноги надевай, шапку на свою дурную голову клади' [Там же: 221]. *Кыдз рюмкасис юан, сидз и клин да мох, сэтöн жö таракан моз пезьдан!* досл. 'Как из рюмки выпьешь, так и клин да мох, тут же словно таракан теряешь равновесие' [Там же: 236].

Мотив назойливости характерен и для энтомонима *гут* 'муха'. Надо полагать, что он мог возникнуть под влиянием русской культуры. *Мый тэ синнэтö мöртин морос бердам, кыдз гут маторö лякасис. Мужик эм мужик* 'Что ты уставился своими глазами на мою грудь, словно муха к кусочку меда прилип. Мужик он и есть мужик' [Канюков 1997: 363].

В некоторых комментариях нуждается и наименование *серöv* 'гнида'. В языке коми-пермяков оно ассоциируется с очень маленькими размерами и выступает в составе устойчивого сравнения *серöv ыжда* 'величиной с гниду'. Чаще всего оно применимо для сравнения с семенами, с крупами и другими мелкими предметами. *Серöv ыжда только кушман көдзысыс, да ог адззы көдзны* 'Семена редьки размером только с гниду,

поэтому не вижу их сеять'. Получается, что у коми-пермяков гнида не вызывает таких отрицательных ассоциаций, как у русских.

Таким образом, наименования насекомых, функционирующие в языке коми-пермяков, не выделяясь богатой символикой, тем не менее связываются с разными концептами. Их семантическая нагрузка может быть связана с внешними признаками насекомого или его физиологическими свойствами. Невзрачность, надоедливость, маленький размер, неудобство, множество – вот основные символы насекомых.

Описывая регулярные мотивационные модели, реализующиеся в названиях насекомых, можно констатировать, что коми-пермяцкий язык особой вражды и неприязни к насекомым не отражает.

Библиографический список

- Березович Е. Л. Язык и традиционная культура. М.: Индрик, 2007. 600 с.
- Канюков В. И. Чарõtõм пу // Пармалõн шыгыз / Голоса Пармы. Проза на коми-пермяцком языке. Кудымкар, 1997. С. 361–364.
- Климов В. В. Кытчõ тийõ мунатõ / Литературно-художественное издание Куда же вы уходите. Т. II. Кудымкар, 1991. 286 с.
- Книгарня (книжные полки по истории мифологии славян) <https://sites.google.com/site/kokorinva/Home/v/vos> (дата обращения: 05.05.2018).
- Красный круг по небу катается / Гõрл гõглян небоõt тарласьõ. Коми-пермяцкие загадки: сборник фольклорных текстов и комментарии. Серия «Фольклор народов России» / В. Н. Бойко, Т. Г. Голева, А. С. Лобанова, А. В. Черных. СПб.: Маматов, 2010. 144 с.
- Кривошапова Ю. А. Русская энтомологическая лексика в этнолингвистическом освещении. URL: <http://cheloveknauka.com/russkaya-entomologicheskaya-leksika-v-etnolingvisticheskom-osveschenii#ixzz5VaqiSxc> (дата обращения: 05.05.2018).
- Лобанова А. С. Основные способы номинаций насекомых в коми-пермяцком языке // Вестник Пермского университета. Вып. 3 (23). Пермь, 2013. С. 48–52.
- Меркушева Т. Н. Лексика флоры и фауны южного наречия коми-пермяцкого языка: дис. ... кандидата филологических наук. Сыктывкар, 2003. 230 с.
- Минин И. А. Бõрйõм / Избранное. Кудымкар, 2015. 352 с.
- Федосеев С. А. Кусõм бизз / Потухшие огни. Повести на коми-пермяцком языке. Кудымкар, 1991. 301 с.
- Янович В. М. Пермяки: этнографический очерк. СПб.: Тип. М-ва вн. дел, 1903. 122 с.

A. S. Lobanova

Associate Professor of Teaching Methods
of Russian Language and Literature Department
Perm State Humanitarian-Pedagogical University

THE METAPHORIZATION OF KOMI-PERM NAMING UNITS OF INSECTS IN LINGUOCULTURAL ASPECT

The article is made on the material of the Komi-Perm language and devoted to the identification of motivational characteristics, implementing the folk concepts associated with the microcosm of insects. An attempt is made to substantiate the symbolically stressed representatives of the class (*cheran* 'spider', *toi* 'louse', *serov* 'nit' etc.). Onomasiological analysis of entomological vocabulary shows that the secondary nomination is often based on its external features and physiological characteristics of the insect.

Key words: Komi-Perm language, naming units of insects, ethnolinguistics, motivational characteristic.